

Ю. Л. Михайлова

**«Мы сами позаботимся о своей независимости»:
Политика нейтралитета и договор о ненападении
между Германией и Латвией 7 июня 1939 г.
на страницах латвийской прессы**

Договоры о ненападении, заключенные между Латвией и Германией и Эстонией и Германией 7 июня 1939 г. в Берлине, были неотъемлемой частью международного политического кризиса 1938–1941 гг. и одновременно, как подчеркивают историки, свидетельством усиливавшегося прогерманского крена во внешней политике прибалтийских государств¹. И обстоятельства подготовки этих союзов, и международный политический контекст, включавший в себя как активные действия Германии, направленные на привлечение Латвии и Эстонии к союзу начиная с апреля 1939 г., так и трехсторонние советско-франко-британские (Московские) переговоры, шедшие с апреля по август 1939 г., подвергались в межвоенный период различным оценкам со стороны действующих политических сил.

В одной из статей газеты “Rīts” (Утро) в период ведения переговоров с Германией излагается официальный внешнеполитический курс К. Улманиса и подчеркивается: тесный контакт между внешнеполитическим руководством и общественным мнением необходим, чтобы информировать население о «состоянии страны»². Пресса Латвии периода авторитаризма была проводником правительственных идей и способствовала формированию представлений о положении страны на международной арене. Внешнеполитическим событи-

ям весны–лета 1939 г. уделяется большое внимание, ставится цель объяснить обществу основное содержание политики Латвии во взаимоотношениях с великими державами.

В условиях нарастающей угрозы безопасности в Европе страны Балтии стремятся играть свою роль в международной политике, которая связана в этот период прежде всего с вопросом о нейтралитете этих государств и степени его реализации. Мюнхенское соглашение 1938 г. изменило баланс сил в Европе, имело следствием ослабление влияния Англии и Франции на европейскую политику. Именно тогда, согласно одному из донесений посольства Финляндии в Риге, внешнеполитическое ведомство Латвии постепенно перестает воспринимать Францию и Англию «как решающую силу... к укреплению своей безопасности» и «холодно» подтверждает, что «теперь Германии на европейском материке принадлежит безусловное превосходство, и что этот факт, как бы он ни был неприятен, может быть, для многих, заслуживает пристального внимания»³. Финский посланник в целом верно определял балтийский вектор внешней политики — это дальнейшая ориентация на Германию, и при этом стремление сохранить нейтралитет и независимость. Для этого предпринимались как конкретные шаги — например, выступление министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса в Женеве с декларацией о нейтралитете, подготовка всеми балтийскими странами законов о нейтралитете в октябре 1938 г., так и меры по «разъяснению народу ситуации»⁴.

Ситуация «разъяснялась» сразу во многих ведущих латвийских изданиях — русскоязычной «Сегодня», немецкоязычной “Rigasche Rundschau” (Рижское обозрение), “Rīts”, “Brīvā Zeme” (Свободная земля), “Jaunākas Ziņas” (Последние известия), в которых излагалась (и защищалась) сущность нейтралитета в свете краха политики коллективной безопасности. Так, например, “Brīvā Zeme” писала: в настоящих условиях следует освободиться от иллюзий, что Лига Наций или «какая-либо великая держава <...> захочет или сможет помочь малому государству» и укрепить свою безопасность обещанием, что «они (малые страны. — Ю.М.) ни в коем случае не примут участия в каком бы то ни было коллективном действии против другого государства»⁵. По словам газеты «Сегодня», нейтралитет малой страны — вещь, которая может быть легко нарушена, но тем не менее «посягательство на него не обходится без последствий». «Теперь Латвия вольна определить свой исторический путь, вольна оставаться нейтральной во время борьбы других государств между собой, вольна продолжать свою внутреннюю созидательную работу даже тогда, когда вихрь опустошения забушует вокруг нее, вольна жертвовать своими силами и жизнью только лишь для того, чтобы защитить себя от иноземной агрессии. Быть хозяином своей судьбы, не поддаваться иностранным домогательствам, — вот почетный путь, по которому надо идти. На этом пути народы, сохраняя себя в неприкосновенности, сохраняют общее всем сокровище человеческой культуры»⁶, — заключала «Сегодня». Такое отчасти пафосное объяснение являлось выражением

тенденций во внешней политике, мнением руководства Латвии и одновременно программным обращением к населению — страна будет отныне стремиться к защите своего суверенитета путем сохранения нейтрального положения.

Кабинет министров Латвии одобрил закон о нейтралитете 21 декабря 1938 г., и с этого момента нейтральная внешнеполитическая линия была закреплена в законодательстве страны. Тезис о нейтралитете приобретает всё большую ценность во внешнеполитической риторике Латвийской Республики в связи с переговорами и предстоящим заключением договора с Германией. В мае 1939 г. на страницах журнала “Jurists” (Юрист) вышла обширная статья, целью которой было «рассмотреть проблему права» Латвии в связи с нейтралитетом и дать разъяснения к принятым в государстве соответствующим законам⁷. Автор статьи трактует нейтралитет — осознанное желание страны не участвовать в вооруженном конфликте или «воздерживаться от оценки любой войны с точки зрения ее справедливости» — как выражение суверенитета. При этом моральные критерии в современном международном праве не играют большой роли. Политическая целесообразность — вот единственное соображение, которое должно определять выбор страны в каждом конкретном случае. Автору было важно также подчеркнуть: принятый закон о нейтралитете отныне является частью правового поля страны, имеет не только идеологическое, но и юридическое значение и поэтому «каждый гражданин является участником обеспечения нейтралитета». Со ссылками на выступления «вождя» К. Улманиса и министра общественных дел А. Берзиньша автор поясняет, что Латвия отныне не занимает нейтральную позицию, «не руководствуясь субъективными симпатиями и антипатиями», но чтобы избежать участия в «разрушительной войне»⁸. Читателям подробно излагается содержание закона о нейтралитете и проводится аналогия со скандинавскими законами (при составлении этого закона действительно была взята за образец декларация о нейтралитете стран группы Осло)⁹. Несколько ранее “Jaunākas Ziņas” подчеркивала, что Латвия и другие страны Балтии поступили даже правильнее, чем их скандинавские соседи, законодательно закрепив свой нейтралитет лишь после того, как Лига Наций «создала точную основу для суверенной и независимой политики, констатируя факультативность не только военных, но и экономических обязательств»¹⁰. Такой материал, опубликованный в специализированном журнале и дававший профессиональные оценки сущности и содержания латвийского нейтралитета, не был рассчитан на массового читателя, но тем не менее являлся весомым вкладом в формирование общественного мнения о том, что означает нейтральный курс для страны в целом и каждого гражданина в отдельности.

Тогда же, в мае 1939 г., газета “Rīts”, также со ссылкой на одно из выступлений К. Улманиса, в более простой форме и небольшой по объему статье создает у широкого читателя представление о том, в чем заключается для малого государства сущность нейтралитета. В современном мире, говорится в статье, решающую роль играют союзы и блоки государств, которые разделяют, а не объ-

единяют государства: «Вопрос о том, действительно ли реальность жизни соответствует такому схематическому разделению, может быть обоснованно поставлен под сомнение, особенно с учетом того, что существует много стран — и таковых даже большинство — которые нельзя отнести к какой-либо категории, “поставить на них штамп”». «Нейтральная» позиция Латвии приводилась как пример того, что страна настроена на сохранение собственной независимости и открыта международному сотрудничеству¹¹.

Когда договор уже был заключен и новость об этом вынесена на первые полосы газет, это событие отнюдь не трактовалось как-то иначе, наоборот, его «вписали» в политику сохранения и укрепления нейтралитета. Например, “*Latvijas Kareivis*” (Латвийский воин) со ссылкой на речь К. Улманиса по случаю 20-й годовщины независимости Латвии писала: «Малые страны на перекрестке крупных держав должны защищать собственный нейтралитет, как это делает Латвия»¹². Если на политическом уровне, как подчеркивают О. Кен и А. Рупасов, оценивая значение пактов о ненападении между Германией, Латвией и Эстонией, можно говорить о «разочаровании в политике нейтралитета» как способе защиты¹³, то на официальном информационном уровне это, разумеется, никоим образом не фиксировалось. Наоборот, до населения стремились донести мысль о том, что заключение договоров с Германией несколько не нарушает избранного нейтрального пути.

Очевидно, что официальная позиция Латвии, выражавшаяся в газетных публикациях, стремившихся убедить людей в том, что Германия не представляет собой никакой опасности для нейтралитета и суверенитета страны, сложилась именно тогда, когда угроза для мира в Европе, исходившая от Рейха, стала очевидной для всех. Именно поэтому вопрос о сущности нейтралитета Латвии (и других стран Балтии) в межвоенный период рассматривается специалистами в тесной связи с подписанием договоров с Германией и прогерманским креном. Так, историк М. Ильмярв подчеркивает, что «риторика нейтралитета» применялась руководством прибалтийских государств для ориентации на Германию и под непосредственным давлением с ее стороны. Визиты немецких дипломатов и военных в Эстонию и Латвию накануне и после подписания договоров служили укреплению германского влияния и обещали от имени Германии поддержку нейтралитета балтийских государств.

Н. Н. Кабанов отмечает, что применительно к странам Балтии, в том числе Латвии, можно говорить о «толковании» или «понимании» нейтралитета, навязанного со стороны великих держав. И в этом смысле влияние Германии ярко проявилось, когда в сентябре 1938 г. Эстония, Латвия и Литва отказались от автоматического применения статьи 16 Статута Лиги Наций¹⁴, что означало возможность отказа в обеспечении транзита советской военной силы по территории, акватории и воздушному пространству стран Балтии в случае необходимости борьбы с агрессором. Этому, как отмечает М. Ильмярв, предшествовала активная политика Германии, направленная на ликвидацию 16-й статьи

и нейтрализацию малых стран. Летом 1939 г. внешнеполитическое ведомство Германии разослало циркулярное письмо своим дипломатическим представительствам в малых государствах с требованием сохранять нейтралитет и не быть втянутыми в будущие европейские конфликты¹⁵. Руководство Германии дало понять правительствам балтийских государств, что страны, которые допускают проход войск других по своим территориям, не могут считаться нейтральными, поэтому от выполнения 16-й статьи следует отказаться. Выполнив это условие, Прибалтика таким образом приняла германское толкование нейтралитета, поясняет Н. Н. Кабанов¹⁶.

С этого периода и во внешнеполитической риторике стран Балтии, и на уровне их законодательств, и в деле формирования общественного мнения вопрос о том, что оставаться нейтральными важно для обеспечения собственной безопасности и выживания, выносится на первый план. Современные исследователи, оценивая последствия этого решения, как правило отмечают, что ослабление существовавшей системы коллективной безопасности лишь подчеркивало неспособность лимитрофов защитить себя перед лицом агрессора¹⁷. В коллективном труде латвийских историков «История Латвии. XX век» говорится: «Статья 16 была единственной гарантией, на которую можно было сослаться в случае агрессии со стороны иностранной державы. Переход на абсолютный нейтралитет оказался для Латвии лишь фикцией безопасности... так как Латвия не могла добиться того, чтобы и другие страны уважали и соблюдали ее нейтралитет»¹⁸.

Вместе с принятием «германского нейтралитета» Латвия испытывала и давление со стороны СССР — после заключения договора Германии с Литвой (22 марта 1939 г.) последовало заявление М. М. Литвинова для латвийского и эстонского посланников в Москве 28 марта 1939 г. Нарком иностранных дел заявил латвийскому посланнику Ф. Коциньшу о «нетерпимости СССР к любым попыткам поставить политику Латвии под контроль третьей державы»: «...какие бы то ни было соглашения, <...> которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предпосылками и духом названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией»¹⁹. Подобный же текст был представлен и эстонскому послу. Это требование-предупреждение — оставаться нейтральными — было попыткой навязать «нейтралитет» в свою пользу. В случае угрозы нарушения нейтралитета СССР оставлял за собой право действовать так, как сочтет нужным²⁰.

В период международного кризиса 1938–1941 гг. страны Балтии ощущали себя в окружении Советского Союза с одной стороны, Германии — с другой.

В этом смысле начало Второй мировой войны, как отмечает К. К. Худoley²¹, не изменило положения лимитрофов, а сместило акценты: усилился нажим со стороны Советского Союза, последовали сначала советско-германский пакт, а затем договоры Советского Союза с Эстонией (28 сентября 1939 г.), Латвией (5 октября 1939 г.) и Литвой (10 октября 1939 г.), и нейтралитет стран Балтии стал клониться в сторону СССР. Сущность же довоенной политики нейтралитета сохранялась и в начальный период войны, вплоть до потери независимости, несмотря на то что возможности для этого сократились²². Подписание пактов о взаимопомощи между СССР и балтийскими государствами ознаменовало новый этап отношений, сигнализировало о возвращении этого региона в сферу влияния СССР²³.

Понимание того, что малые страны, находящиеся в окружении великих держав, не могут обеспечить себе существование без их поддержки, бесспорно присутствовало в сознании политического руководства Латвии. Давление со стороны Советского Союза, ориентация в связи с этим на Германию составляли реалии внешнеполитической жизни страны. Поэтому в задачи латвийской прессы входило прежде всего обеспечение благоприятного информационного фона для заключения латвийско-германского договора 7 июня 1939 г. Но при этом важно было подчеркнуть, что внешнеполитический курс Латвии способствует «внутренней консолидации национальной независимости»²⁴, укреплению нейтралитета, в целом — безопасности в Восточной Европе²⁵. В этом смысле можно говорить о национальной и официальной трактовке понятия «нейтралитет», сущность которого выражалась в одном из заголовков официальной газеты “*Bīvā Zeme*” — «Мы сами позаботимся о своей независимости»²⁶. Тезис о том, что договор с Германией гарантирует Латвии независимость и свободу — один из основных во внешнеполитической риторике прессы в эти дни.

С одной стороны, средства массовой информации излагают сущность латвийской политики нейтралитета. В период, когда основные противостоящие друг другу блоки фактически сформированы, Латвия не стремится к ним присоединяться: «...мы подтверждаем всему миру, что по-прежнему хотим проводить абсолютно независимую политику, не придерживаясь каких-либо блоков и группировок и независимо обеспечивая безопасность нашей страны»²⁷. С другой стороны, при анализе латвийских публикаций следует иметь в виду, что момент заключения пакта — это кульминация в развитии и укреплении германского влияния в Латвии, усилившегося с 1938 г., и поэтому латвийские газеты были в эти дни одновременно и проводниками немецкой позиции, немецкого толкования нейтралитета стран Балтии. Это хорошо прослеживается на уровне заявлений немецких политиков, которые сохранение нейтральной позиции балтийских государств ставили в зависимость от заключения договора с Германией. Так, например, немецкий политик Г. Дертингер писал, что «здравомыслящая реализация» политики нейтралитета Латвии и Эстонии требует организации защиты от возможного нападения со стороны СССР:

«Германия им оказывает помощь в той мере, насколько они сами не в состоянии это сделать»²⁸. Чиновник МИД Германии Грундхерр констатировал, что Эстония и Латвия, пойдя на подписание пактов 7 июня 1939 г., продемонстрировали стремление сохранять нейтралитет, и теперь Германия поможет им дать отпор английскому и советскому давлению²⁹.

В Германии визит двух министров иностранных дел — В. Мунтерса и К. Сельтера в июне 1939 г. с целью подписания пактов отмечался как событие исключительной важности, а пресса обеспечивала благоприятный фон — прежде всего давала информацию для населения о том, какое место занимают государства Балтии в современной системе международных отношений, какие выгоды несет договор с Германией для них, насколько важными политическими и экономическими партнерами они являются, печатала биографии прибалтийских дипломатов³⁰. Нейтралитет Латвии и Эстонии следует отнести в фарватере политики Германии, и в этой связи особенно отмечались усилия Мунтерса и Сельтера. Так, например, “Deutsche Allgemeine Zeitung” (Немецкая всеобщая газета) подчеркивала, что Мунтерс с момента назначения министром иностранных дел «неоднократно выступал за нейтралитет»³¹ — это при том, что еще в 1938 г. Мунтерса критиковали в немецкой прессе за политику постоянного лавирования³².

Неоднократно подчеркивалось: Германия рассматривает независимость балтийских государств как важную часть в поддержании мира в Восточной Европе³³. Широко транслировался голос немецкой прессы: заключение пактов с Эстонией и Латвией — явный признак того, что «малые страны нигде не понимают лучше, чем в Германии»³⁴. “Deutsche Allgemeine Zeitung” приводила слова министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса о том, что «канцлер Гитлер убедил его не только в мирных намерениях Германии в Восточной Европе, но и во всех других европейских странах»³⁵.

Помимо ведущего голоса Германии необходимо было заручиться поддержкой и других государств, чтобы доказать читателям значение и положительный смысл договора. В. В. Симиндей и Н. Н. Кабанов отмечают, что западная пресса весьма сдержанно встретила заключение латвийско-германского и эстонско-германского договоров, имея в виду прежде всего усиление зависимости Латвии и Эстонии от Германии³⁶. Это можно проследить по публикациям латвийских газет, которые помимо ссылок на немецкую прессу приводят цитаты в основном из эстонской периодики, поскольку Латвия и Эстония заключили договоры в один день. Широко перепечатывалась статья из “Uus Eesti” (Новая Эстония) «Нейтральный путь Эстонии», в которой так же последовательно доказывалось: Эстония стремится сохранять нейтральную позицию между Германией и Советским Союзом, и заключение договора показывает, что «Балтии и Скандинавии не угрожает атака Германии»³⁷. Эта газета уже начиная с мая 1938 г. последовательно отстаивала тезис о нейтралитете и подчеркивала, что малые страны должны думать о собственной безопасности

и нейтральная позиция принесет больше пользы, нежели участие в системе коллективной безопасности³⁸.

В этом же духе в связи с заключенными договорами высказалась и русскоязычная газета Латвии «Сегодня», которая активно ссылалась на эстонскую прессу. Подчеркивалось: после заключения пактов с Германией положение стран Балтии «успокоилось и упрочилось»³⁹. Ссылок же на английские и французские издания по вопросу о заключении договора с Германией латвийские газеты приводили немного, и даже в них совершенно очевидно прослеживается весьма прохладное отношение Англии и Франции к заключенным договорам — и в дипломатических документах⁴⁰, и в газетных публикациях. Отмечается прогерманский крен и антисоветская направленность этих документов: странам Балтии, подчеркивали западные издания, не должны навязывать какие-либо гарантии, «с которыми надо мириться Советскому Союзу»⁴¹. Намек на активное вмешательство Германии в политику стран Балтии вполне очевиден.

В этом смысле бóльшим союзником на страницах латвийских газет была представлена Польша, которая в этот период по ряду внешнеполитических вопросов находила точки соприкосновения с Германией и в целом, несмотря на напряженные отношения в Европе в условиях международного кризиса, считала решения Латвии и Эстонии заключить договор с немцами позитивными. Отмечается, что польская пресса оценивала заключение договоров Латвией и Эстонией с Германией как политику «соблюдения баланса», «дальновидную и разумную»⁴². В латвийских газетах высказывались надежды на то, что Польша сумеет повлиять на политику Англии и Франции и их отношение к латвийско-германскому договору. Позиция Польши по проблеме гарантий государствам Балтии и их нейтралитете была более сложной, эволюционировала от идеи полной нейтрализации этого региона в 1938 г. до более осторожного освещения позиции великих держав, прежде всего Германии и СССР в 1939 г., но в целом в польской прессе выдвигалась идея о том, что реальную помощь странам Балтии в случае угрозы может оказать именно Польша⁴³.

Сообщения о заключении договора с Германией в прессе Латвии ставились и в контекст советско-франко-британских переговоров, которые в июне 1939 г. проходили в Москве. Широко обсуждался проект союзного договора, предусматривавший предоставление гарантий странам Балтии в случае возможной германской агрессии⁴⁴, против чего по сути и выступили Эстония и Латвия, заключив с Германией договоры о ненападении.

Вопрос о том, почему Латвия не приняла гарантии европейских государств, ставился в зависимость от позиции Советского Союза на советско-франко-британских переговорах со ссылкой на доклад В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР» от 31 мая 1939 г.⁴⁵ В докладе в частности говорилось о том, что Англия и Франция оставили открытым вопрос о предоставлении гарантий «граничащим с СССР малым государствам, прикрывающим северо-западные границы

СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров»⁴⁶.

Латвийский официоз “Bīvā Zēme” за несколько дней до подписания договора с Германией выпустил статью, посвященную проблеме английских, французских и советских гарантий странам Балтии, основанную на анализе вышеупомянутого выступления Молотова. В ней, во-первых, подчеркивалось нежелание Латвии участвовать в «политических комбинациях» и в политической борьбе великих держав, а также готовность защищать свой нейтралитет «с оружием в руках»⁴⁷. Во-вторых, латвийская (как и эстонская) пресса фиксировала внимание на нескольких важных моментах в выступлении Молотова. Отмечалось прежде всего, что он в своей речи признал нейтралитет стран Балтии как *суверенную волю* этих государств, а не как исключительное следствие косвенной поддержки «агрессоров»: «Мы сначала хотели бы высказать тот позитивный факт, что Советский Союз признаёт суверенную волю Латвии, Эстонии и Финляндии придерживаться политики нейтралитета. Это очень важный факт, потому что он отбрасывает старый аргумент, что нейтралитет является косвенной поддержкой скандированных “агрессоров”, которые советская пресса иногда освещала. <...> Интересы Латвии требуют воздерживаться от политической борьбы великих держав, чтобы впоследствии не вступать в возможные военные сражения. Мы делаем еще один шаг и говорим, что будем защищать свой нейтралитет с оружием в руках в случае, если кто-то захочет сломать его, и неважно, откуда бы ни исходила эта попытка сломить нейтралитет»⁴⁸. Условное признание балтийского нейтралитета со стороны СССР, заключенный пакт с Германией — всё это оценивалось в дипломатических кругах Латвии как немалый успех. В беседе с полпредом И. С. Зотовым, которая состоялась 22 июня 1939 г., министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс подчеркнул, что в выступлении Молотова от 31 мая и комментариях советской печати он усматривает «косвенное признание латвийской политики нейтралитета». «Это для нас новое и приятное... Теперь оба больших соседа это признали»⁴⁹, — сказал Мунтерс.

Но нельзя было сбросить со счетов тот факт, что в том же выступлении наркома иностранных дел открыто говорилось о том, что сами балтийские государства не смогут себя защитить. Поэтому советское руководство на переговорах требовало безусловных, автоматических гарантий для северо-западных соседей. Последний тезис и подвергался в латвийской и эстонской прессе резкой критике: «Ни одна свободная страна не позволит другой стране взять на себя ответственность за нее»⁵⁰. Такие усилия, подчеркивали “Bīvā Zēme” и “Uus Eesti”, «не могут идти рука об руку с поддержанием нейтралитета малых стран»⁵¹. Тема предоставления односторонней гарантии балтийским странам уже всплывала во взаимоотношениях с Латвией и Эстонией и ранее — ожидания, что Советский Союз будет расширяться «естественным ходом вещей», становились причиной отказа от советских гарантий⁵².

Вариант, выдвинутый Москвой, предполагал оказание помощи стране, которая подверглась нападению агрессора, даже без ее согласия. Поэтому советские односторонние гарантии не считались приемлемыми, а рассматривался только вариант Бельгии, которая получила гарантии нейтралитета от «всех заинтересованных стран». Поэтому и для Латвии они должны быть «всеобъемлющими» — т. е. исходить от Германии, Англии, Франции и СССР: «...если бы мы, как и Бельгия, могли получить гарантии нашего нейтралитета от всех заинтересованных стран, то мы могли бы только радоваться»⁵³.

Ссылаясь на эстонскую газету, “*Võitvā Zeme*” солидаризируется с позицией соседа и дает читателям понять, что усилия «незваного помощника», под которым подразумевается Советский Союз, не могут служить гарантией сохранения независимости стран Балтии, противоречат «воле мирных государств быть нейтральными и независимыми», в то время как готовность со стороны Англии и Франции оказывать помощь нейтралам отвечает интересам безопасности балтийских стран⁵⁴.

Тему переговоров продолжала и региональная пресса Латвии. Так, например, “*Zemgales Balss*” в материале, посвященном переговорам между СССР, Великобританией и Францией, подчеркивала, что на этапе выработки соглашения о создании оборонительного блока вопросы вызывает компромиссная формулировка, в соответствии с которой каждая из сверхдержав вправе сама определять, до каких пределов распространяются ее «жизненные интересы» в случае возможной агрессии. При такой формуле, отмечалось в газете, СССР сможет распространить влияние на всех своих соседей, даже не упоминая их⁵⁵.

В условиях международного кризиса и усиливавшегося влияния Германии на внешнюю политику Латвии и Эстонии советские внешнеполитические круги действительно ставили под сомнение способность малых государств отстаивать собственную независимость самостоятельно. Как отмечают О. Кен и А. Рупасов, советские военные с 1936 г. «не стеснялись пояснять, что они в случае войны не намерены считаться с суверенитетом балтийских стран»⁵⁶. Иными словами, советское руководство нейтралитет стран Балтии ставило в прямую зависимость от безопасности собственной границы и связывало с «жизненными интересами» СССР. Накануне представления латвийскому и эстонскому посланникам в Москве 28 марта 1939 г. М. М. Литвинов, фиксируя беседу с латвийским дипломатом, отмечал в своем дневнике: «Я ему [латвийскому посланнику Коцинышу] заметил, что Чехо-Словакия до последнего дня так же утверждала о своей готовности защищаться, а Румыния накануне подписания кабального соглашения с Германией послала SOS и требовала от Англии помощи. <...> Если речь идет о существовании Латвии, то мы, конечно, это считаем не только внутренним делом Латвии, но и нашим». Поводом предоставить ноты латышскому и эстонскому посланникам стали «события последнего времени, когда целые довольно крупные народы “добровольно” прекращали свое существование или шли в экономическую кабалу»⁵⁷. Таким образом во внутренних

дипломатических беседах латвийскому руководству давалось понять, что суверенитет страны должен быть поставлен в зависимость от вопросов безопасности северо-западной границы СССР.

В одной из бесед полпреда И. С. Зотова с посланником Латвии в Москве Ф. Коциньшем сразу же после подписания латвийско-германского пакта (беседа была записана 11 июня 1939 г.) советский дипломат продолжает попытки добиться положительного отношения к советским гарантиям нейтралитета северо-западным странам. Коциньш старался дать ответ неопределенно-положительный и одновременно подчеркнуть, что безусловные гарантии неприемлемы: «Мы будем приветствовать, для нас это приемлемо, но это еще принципиальная постанова. Надо думать, что с нами на эту тему еще будут говорить. Мы согласны получить эту гарантию, но не одностороннюю... Если всё будет сделано без нас, то мы будем рассматривать таких гарантов как агрессоров»⁵⁸.

Официальная трактовка советской оценки сущности балтийского нейтралитета была еще раз опубликована в «Правде» 13 июня 1939 г. В статье, посвященной балтийскому нейтралитету, опять-таки подчеркивалось, что в определенный момент Латвия, Эстония и Литва не смогут себя защитить, поэтому им необходимы твердые гарантии со стороны великих держав: «Если даже такое государство, как Чехословакия, имевшая вдвое больше населения и армии, чем все три балтийские страны, вместе взятые, будучи предоставлена себе самой, не смогла отстоять себя против агрессии, то какое основание предполагать, что три небольших балтийских государства способны на большее, чем Чехословакия, и не нуждаются в помощи со стороны других государств? Не может быть сомнений, что народы трех балтийских стран кровно заинтересованы в гарантии их независимости со стороны великих миролюбивых держав»⁵⁹.

Наконец, 29 июня была опубликована статья секретаря ленинградской партийной организации А. А. Жданова, в которой он подчеркивал, что вопрос о гарантиях прибалтийским государствам является «искусственно надуманным камнем преткновения» в ходе переговоров между СССР, Англией и Францией: нет никаких оснований не признавать необходимость автоматических гарантий Эстонии, Латвии и Финляндии в случае нападения агрессора и есть примеры из английской практики ведения переговоров, свидетельствующие о том, что в тех случаях, когда Великобритания заинтересована «гарантировать те или иные страны, она находит для этого подходящие пути»⁶⁰.

Таким образом, помимо дипломатического нажима, СССР оказывал давление и путем формирования общественного мнения: за советскими публикациями в латвийском обществе внимательно следили, большинство населения знало русский язык и могло оценить значение советской пропаганды. Поэтому, описывая ход переговоров между Советским Союзом, Францией и Великобританией, латвийские газеты широко использовали информацию из западной прессы, ссылаясь на английские и французские издания (“Times”, “Daily Telegraph”, “Petit Parisien”, “Jour”). Например, региональные газеты “Ventas

Balss” (Голос Венты) и “Zemgales Balss” представляли читателю западную трактовку хода и содержания переговоров со ссылками на французскую и английскую периодику: выполнение желания СССР предоставить гарантии странам Балтии, которые хотят сохранять строгий нейтралитет, — сложная задача. «Трудно понять и оправдать упорство советского правительства. Действительно, как Франция и Англия могут гарантировать безопасность странам, которые сами этого не хотят?» — эта цитата из французской “Petit Parisien” была перепечатана в нескольких изданиях⁶¹. Читателю транслировались позиция Англии и Франции, которые будут вынуждены прервать переговоры, если не удастся достичь соглашения с СССР: есть основания полагать, что Советский Союз требует «слишком высокой цены» для обеспечения безопасности своей северо-западной границы. Если в ближайшее время Москва продолжит настаивать на своих требованиях относительно гарантий Восточной Европе, «фронт анти-агрессии может рухнуть»⁶².

Особенное внимание латвийской прессы приковывает инициатива со стороны СССР ввести понятие «косвенной агрессии» и попытка получить возможность вмешаться во внутренние дела государства, которое «соглашается на любые действия под угрозой силы со стороны другой державы, или даже без применения такой угрозы»⁶³. Понятие «косвенной агрессии» становится частью советской политической концепции по отношению к балтийским государствам с начала июля 1939 г., когда эта формулировка была включена в проект союзного договора с Англией и Францией. Под «косвенной агрессией» СССР понимал «внутренний переворот или поворот в угоду агрессору» в странах, «пограничных с СССР, а также в Бельгии и Греции», а также действия, на которые «под угрозой силы или без такой угрозы» соглашается одно из указанных государств и которые «влекут за собой использование территории и силы данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»⁶⁴. Интерпретация понятия «косвенная агрессия» в латвийских газетах связывалась в первую очередь с легкой возможностью «узаконить вмешательство СССР во внутреннюю политику нейтральных государств»⁶⁵. “Latvijas Kareivis” в обзоре советско-франко-британских переговоров неоднократно подчеркивала, что именно введение понятия косвенной агрессии затрудняет их ход, ведь речь идет о принятии решения великих держав в отношении малых нейтральных государств и, по сути, нарушении их суверенитета⁶⁶. “Ventas Balss” отмечала, что трактовка действий СССР как косвенной агрессии вынуждает Англию и Францию к очередному компромиссу с Советами⁶⁷.

В латвийской прессе в этом смысле представлена в основном британская трактовка хода переговоров после того, как СССР выдвинул это требование. Неоднократно подчеркивалось, что возможный политический и военный альянс великих держав вновь под угрозой срыва из-за «чрезмерности» советских требований: Англия, как один из главных союзников балтийских государств, не подпишет документы, «не совместимые с уважением суверенитета

малых государств»⁶⁸. Роль уполномоченного министерства иностранных дел Великобритании У. Стрэнга особенно отмечалась в латвийской прессе, поскольку именно он в ходе переговоров отвергал формулировку «косвенная агрессия» относительно балтийских государств⁶⁹. В газете «Сегодня» в связи с переговорами была опубликована обширная статья писательницы и журналистки А. В. Тырковой-Вильямс, в которой она, передавая «руководящие настроения Лондона», подчеркивала стремления Великобритании «во что бы то ни стало» заключить договор с СССР, а для этого — «найти формулу, которая удовлетворит и Балтийские государства»⁷⁰.

Тем не менее сделать это не удалось. Как известно, с июля 1939 г. Англия встала на достаточно жесткую позицию по отношению к формулировке понятия «косвенной агрессии» (это было отражено и в латвийской прессе), великие державы предприняли попытку провести военные переговоры, чтобы найти компромиссную формулу. 7 августа 1939 г., в день, когда У. Стрэнг покидал Москву, «Сегодня» со ссылкой на «широкие общественные круги» Англии всё еще выражала надежду на то, что «советское правительство искренно стремится к соглашению с Англией и Францией... что правительство СССР не имеет никаких задних мыслей и что оно хочет лишь заранее предусмотреть все возможности...»⁷¹ Политические переговоры были прерваны, военные, прошедшие в августе 1939 г., не имели перспектив, поскольку и британское, и советское руководства вели параллельные переговоры с Берлином. После подписания советско-германского договора о ненападении Московские переговоры были прекращены окончательно.

Публикации в латвийской прессе, направленные на разъяснение сущности политики латвийского нейтралитета и причин заключения договора с Германией о ненападении в период международного кризиса 1938–1939 гг., отражают официальный правительственный курс и одновременно служат способом формирования общественного мнения в пользу избранного политического направления. Задача была непростой: убедить людей в том, что альянс с Рейхом будет способствовать укреплению суверенитета страны в тот момент, когда судьба Чехословакии и Клайпеды уже решилась и экспансионистские планы Германии не вызвали сомнений. Материалы латвийской прессы прежде всего являются выражением правительственной пропаганды латвийско-германского договора, который являлся частью системы довоенных пактов Риббентропа. Обращение к общественности Латвии с «разъяснением» сущности договора должно было хоть в какой-то мере дать читателю надежду на то, что нейтралитет, гарантированный Германией, поможет сохранить независимость, и наоборот, вопрос о возможных советских гарантиях тесно увязывался с растущими аппетитами Москвы и «слишком высокой ценой», которую Балтия заплатила бы за европейский договор о коллективной безопасности. Одновременно

публикации в латвийской прессе косвенно свидетельствуют и о нажиме со стороны СССР, который проводился не только дипломатическим путем, но и посредством публикаций в советских газетах.

Взаимоотношения Латвии с ведущими европейскими державами, попытки соблюдения шаткого баланса между Германией и Советским Союзом, поиски гарантий суверенитета и весь комплекс международно-правовых документов, характеризующий советско-латвийские связи в 1920–1930-х гг., демонстрируют стремление малой страны отстоять свою независимость, однако в условиях нарушения баланса сил, сложившегося в Европе к концу 1930-х гг., и разрушения Версальско-Вашингтонской системы этого не произошло.

Усилия, которые прикладывала Латвия (и другие балтийские государства) в условиях разрушающейся системы международных отношений, когда судьба ее суверенитета была по сути уже решена, можно называть прогерманским (июнь 1939 г.) или просоветским (октябрь 1939 г.) креном, можно говорить о германской или советской трактовке «нейтралитета», «адаптивном кризисе» политического руководства стран Балтии в связи с подписанием договоров о взаимопомощи с Советским Союзом и концом «политики дипломатического неповиновения»⁷², но выражались они в простой формуле, которую произнес латвийский посланник Коциньш в одной из бесед с советским полпредом И. С. Зотовым: «Мы хотим жить... Мы будем использовать всё, чтобы сохранить государство»⁷³.

¹ *Ильмяре М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // *Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР.* М., 2006. С. 276; *Симиндей В., Кабанов Н.* Заключая «пакт Мунтерса–Риббентропа»: архивные находки по проблематике германско-прибалтийских отношений в 1939 г. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2017. № 1 (8). С. 178–179.

² *Vispirms brīvība, tauta, valsts un tad es pats. Mūsu ārpolitikas galvenās līnijas* // *Rīts.* 1939. 13.05, N 132.

³ Сообщение посольства Финляндии в Риге. 17 октября 1938 г. Нейтралитет Латвии // Из архива СВР России. Электронный сборник документов, освещающих военно-политическую ситуацию в 1935–1945 гг.: [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/upload/26122016.pdf> (дата обращения 04.06.2020).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Rūsis A.* Neitralitātes būtība un neitralitātes likums // *Jurists.* 1939. 01.05, N 5.

⁸ Там же.

⁹ *Ильмяре М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М.: РОССПЭН, 2012. С. 329.

¹⁰ Сообщение посольства Финляндии в Риге. 17 октября 1938 г. Нейтралитет Латвии.

- ¹¹ Vispirms brīvība, tauta, valsts un tad es pats.
- ¹² Parakstīts Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgums // Latvijas Kareivis. 1939. 08.06, N 126.
- ¹³ Кен. О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 248.
- ¹⁴ Статья 16 гласит: «Если Член Лиги прибегает к войне, в противность обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается, как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые [12] или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет. В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным Правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого Члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». См.: Статут Лиги Наций: [Электронный ресурс] // Электронные публикации источников по истории международных отношений на русском языке. Кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.htm> (дата обращения 16.04.2020).
- ¹⁵ Ильярв М. Безмолвная капитуляция. С. 309. Как подчеркивает эстонский историк, дискуссии о том, чтобы объявить 16-ю статью факультативной, шли между Эстонией, Латвией и Литвой уже с 1936 г. Многие политики этих стран, ответственные за принятие внешнеполитических решений, лавировали между Германией и СССР, стараясь выработать политические стратегии, которые дали бы их странам надежду на безопасность. В итоге договоренность Балтийских государств по вопросу о том, чтобы признать статью 16 факультативной, была достигнута под давлением Германии и Польши, и под воздействием Эстонии, на которую Германия сделала ставку в данном вопросе. См.: Там же. С. 310–326.
- ¹⁶ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис. 1939–1940: Сб. документов / Сост. Н. Н. Кабанов, А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. М., 2019. С. 9–10.
- ¹⁷ Ильярв М. Безмолвная капитуляция. С. 329.
- ¹⁸ История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис. Рига, 2005. С. 181.
- ¹⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах. Составитель МИД СССР. 1990. Документ № 235. Электронная версия документа перепечатывается с сайта: Библиотека. Исследователям Катинского дела: [Электронный ресурс]. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm#235doc (дата обращения 15.05.2020).
- ²⁰ Вынужденный альянс. С. 11–12.
- ²¹ Худoley К. К. Специфика балтийского нейтралитета в начальный период Второй мировой войны и политика СССР (сентябрь 1939 — июнь 1940 года) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 6. Вып. 4. С. 109–120.
- ²² Там же. С. 118.
- ²³ См. об этом: Crowe D. The impact of the Soviet imposed mutual assistance pacts on the governments of Estonia, Latvia, and Lithuania, 1939 // Nationalities Papers. 1984. Vol. 12. Iss. 1. P. 107–116.
- ²⁴ Berlīnē parakstīti Latvijas-Vācijas un Igaunijas-Vācijas neuzbrukšanas līgumi // Valdības Vēstnesis. 1939. 08.06, N 126.
- ²⁵ Parakstīts Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgums // Latvijas Kareivis. 1939. 08.06, N 126.
- ²⁶ Mēs paši gādāsim par savas neatkarības uzturēšanu // Brīvā Zeme. 1939. 08.06, N 126.
- ²⁷ Kāda nozīme Latvijas un Vācijas neuzbrukšanas līgumam // Zemgales Balss. 1939. 13.06, N 130. См. также: Igaunņu prese par noslēgto neuzbrukšanas līgumu // Brīvā Zeme. 1939.

- 09.06, N 127; Балтийские государства готовы защищать свой нейтралитет // Сегодня. 1939. 12.06, № 160.
- ²⁸ Вынужденный альянс. С. 49. На основании этого высказывания немецкого политика Н. Н. Кабанов и В. В. Симиндей делают вывод о существовании секретной клаузулы к латвийско-германскому договору о ненападении, направленной против СССР. См.: *Симиндей В., Кабанов Н.* Заклучая «пакт Мунтерса–Риббентропа». С. 182.
- ²⁹ *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. С. 400.
- ³⁰ *Berlīnē parakstīti Latvijas-Vācijas un Igaunijas-Vācijas neuzbrukšanas līgumi* // *Valdības Vēstnesis*. 1939. 08.06, N 126; *Latvijas un Vācijas sadarbība* // *Brīvā Zeme*. 1939. 10.06, N 128; *Ārlietu ministrs V. Munters vakar atgriezās Rīgā* // *Latvijas Kareivis*. 1939. 10.06, N 128.
- ³¹ *Parakstīts Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgums* // *Latvijas Kareivis*. 1939. 08.06, N 126.
- ³² См.: *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. С. 393.
- ³³ *Zemgales Balss*. 1939. 13.06, N 130.
- ³⁴ *Šodien parakstīs Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgumu* // *Latvijas Kareivis*. 1939. 07.06, N 125; *Parakstīts Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgums* // *Latvijas Kareivis*. 1939. 08.06, N 126; *Šodien parakstīts Latvijas-Vācijas neuzbrukšanas līgums* // *Zemgales Balss*. 1939. 07.06, N 125.
- ³⁵ *Latvijas un Vācijas sadarbība* // *Brīvā Zeme*. 1939. 10.06, N 128.
- ³⁶ *Симиндей В., Кабанов Н.* Заклучая «пакт Мунтерса–Риббентропа». С. 180.
- ³⁷ *Igaunīu prese par noslēgto neuzbrukšanas līgumu* // *Brīvā Zeme*. 1939. 09.06, N 127; Балтийские государства готовы защищать свой нейтралитет // Сегодня. 1939. 12.06, № 160.
- ³⁸ См.: *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. С. 312, 323.
- ³⁹ Сегодня. 1939. 12.06, № 160.
- ⁴⁰ Как отмечает М. Ильмярв, Форин-офис негативно отнесся к возможности заключения договора Германии с Латвией и Эстонией уже на стадии переговоров. См.: *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. С. 397.
- ⁴¹ *Mēs paši gādāsim par savas neatkarības uzturēšanu* // *Brīvā Zeme*. 1939. 08.06, N 126.
- ⁴² *Polija apsveic Baltijas valstu patstāvīgo politiku* // *Brīvā Zeme*. 1939. 10.06, N 128.
- ⁴³ См.: *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. С. 374.
- ⁴⁴ См. например: Сегодня. 1939. 12.06, № 160; *Ventas Balss*. 1939. 08.06, № 63.
- ⁴⁵ Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР» от 31 мая 1939 г.: [Электронный ресурс] // Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. МИД СССР. 1990. Документ № 386. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm#386doc (дата обращения 18.04.2020).
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Garantijas* // *Brīvā Zeme*. 1939. 03.06, № 122.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 37. П. 76. Д. 6. Л. 95–98.
- ⁵⁰ *Garantijas* // *Brīvā Zeme*. 1939. 03.06, № 122.
- ⁵¹ *Brīvā Zeme*. 1939. 09.06, № 127.
- ⁵² См.: *Кен О., Рупасов А.* Москва и страны Балтии. С. 242–243.
- ⁵³ *Garantijas* // *Brīvā Zeme*. 1939. 03.06, № 122.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Sarunas starp Londonu un Maskavu vēl turpinājas* // *Zemgales Balss*. 1939. 13.06, N 130.
- ⁵⁶ *Кен О., Рупасов А.* Москва и страны Балтии. С. 245.
- ⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 37. П. 76. Д. 5. Л. 6–7. Имеется в виду растворение чешского государства в германской империи (15 марта 1939 г.) и отторжение от Литвы города Мемеля с областью (Клайпедского края) 22 марта 1939 г.
- ⁵⁸ *Дневник полпреда СССР в Латвии И. С. Зотова* // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 37. П. 76. Д. 6. Л. 99–101.
- ⁵⁹ Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии // Правда. 1939. 13 июня, № 162.

- ⁶⁰ Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР // Правда. 1939 г. 29 июня, № 178.
- ⁶¹ См., например: Anglijas un Padomju Savienības sarunu gaita // Zemgales Balss. 1939. 06.06, N 124.
- ⁶² Baltijas valstis angļu-krievu sarunu degpunktā // Ventas Balss. 1939. 08.06, № 63. См. также: Kādi ir Padomju Savienības jaunie ierosinājumi // Rīts. 1939. 05.06, № 154.
- ⁶³ См., например: Сегодня. 1939. 14.07, № 192.
- ⁶⁴ Предложения Советского правительства от 9 июля 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 486–487.
- ⁶⁵ Ārzemju nedēļas apskats // Latvijas Kareivis. 1939. 30.07, N 169.
- ⁶⁶ Ārzemju nedēļas apskats // Latvijas Kerivis. 1939. 06.08, N 175.
- ⁶⁷ Baltijas valstis angļu-krievu sarunu degpunktā // Ventas Balss. 1939. 08.06; Anglijas un Padomju Savienības sarunu gaita // Zemgales Balss. 1939. 06.06, N 124.
- ⁶⁸ Ārzemju nedēļas apskats // Latvijas Kareivis. 1939. 30.07, N 169.
- ⁶⁹ Сегодня. 1939. 12.06, № 161.
- ⁷⁰ Сегодня. 1939. 11.05, № 160.
- ⁷¹ Сегодня. 1939. 07.08, № 217.
- ⁷² Crowe D. The impact of the Soviet imposed mutual assistance pacts... P. 108–109.
- ⁷³ Дневник полпреда СССР в Латвии И. С. Зотова. Л. 99–101.

References

Agressiya. *Rassekrechennye dokumenty Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii. 1939–1941* [Aggression. Declassified documents of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. 1939–1941. In Russ.] / Red. A. A. Aleksandrov, sost. L. F. Sockov. Moscow: Veche, 2020.

CROWE D. *The impact of the Soviet imposed mutual assistance pacts on the governments of Estonia, Latvia, and Lithuania, 1939* // Nationalities Papers. 1984. Vol. 12. Iss. 1. P. 107–116.

HUDOLEJ K. K. *Specifika baltijskogo neitraliteta v nachal'nyj period Vtoroj mirovoj vojny i politika SSSR (sentyabr' 1939 – iyun' 1940 goda)* [The specifics of Baltic neutrality in the initial period of the Second World War and the politics of the USSR (September 1939 – June 1940). In Russ.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. Ser. 6. Vyp. 4. S. 109–120.

ILMYARV M. *Baltijskie strany v 1939–1940 gg.: zamysly i vozmozhnosti* [The Baltic countries in 1939–1940: plans and possibilities. In Russ.] // Mezhdunarodnyj krizis 1939–1941 gg.: Ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 goda do napadeniya Germanii na SSSR. Moscow, 2006. S. 268–285.

ILMYARV M. *Bezmolvnaya kapitulyaciya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumya vojnami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-h godov do anneksii v 1940)* [Silent submission. The foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the mid-1920s until annexation in 1940). In Russ.] Moscow: ROSSPEN, 2012.

Istoriya Latvii. XX vek [History of Latvia. 20th century. In Russ.] / D. Blejere, I. Butulis, A. Zunda, A. Stranga, I. Feldmanis. Riga, 2005.

KEN O., RUPASOV A. *Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnoshenij, 1917–1939 gg.* [Moscow and the Baltic States: the experience of relationships, 1917–1939. In Russ.] // Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva / Red. D. E. Furman, E. G. Zadorozhnyuk. Moscow, 2002. S. 225–256.

Pribaltika i geopolitika. 1935–1945 gg. Rassekrechennye dokumenty Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii [Baltic States and geopolitics. 1935–1945. Declassified documents of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. In Russ.] / Sost. L. F. Sockov. Moscow: RIPOL klassik, 2009.

SIMINDEJ V., KABANOV N. *Zaklyuchaya “pakt Muntersa–Ribbentropa”: arhivnye nahodki po problematike germansko-pribaltijskikh otnoshenij v 1939 g.* [Concluding the “Munters-Ribbentrop Pact”: archival findings on the problems of German-Baltic relations in 1939. In Russ.] // Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij. 2017. N1 (8). S. 178–209.

SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroj mirovoj vojny (sentyabr' 1939 g. — avgust 1939 g.): Dokumenty i materialy. [USSR in the struggle for peace on the eve of World War II (September 1939 — August 1939): Documents and materials. In Russ.]. Moscow, 1971.

Vynuzhdennyj al'yans. Sovetsko-baltijskie otnosheniya i mezhdunarodnyj krizis. 1939–1940. Sb. dokumentov [Forced Alliance. Soviet-Baltic relations and the international crisis. 1939–1940. In Russ.] / Sost. N. N. Kabanov, A. R. Dyukov, V. V. Simindej. Moscow, 2019.

Ю. Л. Михайлова. «Мы сами позаботимся о своей независимости»: политика нейтралитета и договор о ненападении между Германией и Латвией 7 июня 1939 г. на страницах латвийской прессы // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 146–163

Аннотация: В статье анализируется материал латвийских газет периода заключения договора о ненападении между Германией и Латвией 7 июня 1939 г. и проведения Московских переговоров. Показывается, как официальная пресса Латвии в условиях авторитарного режима интерпретировала политику государственного нейтралитета (закон от 21 декабря 1938 г.), обеспечивала благоприятный информационный фон для латвийско-германского договора и связывала его заключение с дальнейшей защитой нейтралитета и суверенитета Латвии. Обращение к общественности страны с «разъяснением» сущности договора должно было хоть в какой-то мере дать читателю надежду на то, что нейтралитет, гарантированный Германией, даст возможность сохранения независимости, и наоборот, вопрос об эвентуальных советских гарантиях тесно увязывался с растущими аппетитами Москвы и «слишком высокой ценой», которую Балтия заплатила бы за европейский договор о коллективной безопасности. Соблюдение шаткого баланса между Германией и Советским Союзом и поиски гарантий суверенитета, отраженные на страницах латвийских газет, демонстрируют стремление малой страны отстаивать свою независимость в условиях международного кризиса и найти формулу «национального нейтралитета».

Ключевые слова: международный кризис 1938–1941 гг., договор о ненападении между Германией и Латвией 7 июня 1939 г., Московские переговоры 1939 г., советско-латвийские отношения, латвийский нейтралитет, латвийская пресса, К. Улманис, В. Мунтерс.

FOR CITATION

Yu. L. Mikhailova: “We will take care of our independence”: Neutrality and the German-Latvian Non-Aggression Pact of June 7, 1939 in the Latvian press // Petersburg historical journal, no. 3, 2020, pp. 146–163

Abstract: The article analyzes the material of the Latvian newspapers during the non-aggression pact between Germany and Latvia on June 7, 1939 and the triple alliance (Moscow) negotiations. It is shown how the official press of Latvia, under the conditions of an authoritarian regime, interpreted the policy of state neutrality (the law of December 21, 1938), provided a favorable information background for the Latvian-German non-aggression pact and linked its conclusion with the further protection of the neutrality and sovereignty of Latvia. An appeal to the public opinion with an “explanation” of the signification of the pact should at least to some extent give the reader hope that neutrality guaranteed by Germany would make it possible to maintain independence. Contrarily, the question of eventual Soviet guarantees was closely linked to Moscow’s growing appetites and “too high a price” that the Baltics would pay for a European collective security treaty. The maintenance of the fragile balance between Germany and the Soviet Union and the search for guarantees of sovereignty, reflected on the pages of Latvian newspapers, demonstrate the desire of a small country to defend its independence in the conditions of the international crisis and find the formula of “national neutrality”.

Key words: International crisis of 1938–1941, the German-Latvian Non-Aggression Pact of June 7, Triple Alliance Negotiations of 1939, Soviet-Latvian relations, Latvian neutrality, the Latvian press, K. Ulmanis, V. Munters.

Автор: Михайлова, Юлия Леонидовна — к. и. н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Author: Mikhailova, Yulia Leonidovna — PhD, research fellow, Institute of World History RAS.

E-mail: michailova@list.ru